

Обычно послушный и рассудительный Шань Жун всегда вызывал у Ху Тяня лишь нежность и заботу.

Всю дорогу Ху Тянь хранил молчание. Притащив Юань Цзыжу домой, он бросил фразу: «Сиди тут и хорошенько подумай над своим поведением!» — после чего с грохотом захлопнул дверь и ушёл.

Юань Цзыжу с хриплым от долгих рыданий голосом и жалким выражением лица бросился за ним с вопросом: «Куда ты собрался?»

Но Ху Тянь не удостоил его ответом. Повернувшись к нему спиной, он в мгновение ока исчез.

Стоило ему уйти, как Юань Цзыжу тут же умолк. Потерев покрасневшие и слегка пересохшие от слёз глаза, он с вздохом подумал: «Порой играть на публику — и впрямь такое утомительное дело!»

Юань Цзыжу даже не стал смотреть, куда именно тот направился и что стал делать, посчитав это излишним.

Можно сказать наверняка: раз уж его тщательно подготовленный спектакль начался столь удачно, всё, что оставалось теперь Ху Тяню — лишь изредка появляться на сцене в роли статиста.

Отныне Ху Тянь мог выступать лишь в роли зрителя, наблюдающего со стороны. А люди и события в самом спектакле, независимо от его желаний, в определённой степени больше не имели с ним ничего общего.

С этого момента Ху Тяню отводилась лишь роль праздного зеваки. Ну а если он станет убиваться или переживать из-за сюжета этого представления — разве это кого-то волнует?

Стал бы Юань Цзыжу переживать? Разумеется, нет.

А тот единственный, кто искренне заботился о нём прежде... Юань Цзыжу тяжело вздохнул про себя: тот уже был мёртв! Погиб от рук самого же Ху Тяня!

Это был лишь первый акт, а Ху Тянь уже не выдержал и попытался сбежать от реальности. Что же будет дальше?

Даже не размышляя над этим глубоко, Юань Цзыжу уже знал ответ.

Ху Тянь вернулся поздно вечером, от него разило алкоголем. Судя по воспоминаниям Шань Жун, этот человек никогда в жизни не брал в рот ни капли.

Впрочем, Юань Цзыжу считал, что ему сейчас не о чем с ним разговаривать. Поэтому, услышав звук открывающейся двери и ощутив на себе обжигающий взгляд со стороны кровати, он прекрасно понимал, что Ху Тянь сидит рядом и отрешённо смотрит на него. Но Юань Цзыжу не стал подниматься — он лишь продолжал притворяться спящим, повернувшись лицом к стене.

Ху Тянь так и сидел, неотрывно глядя на его спину, и не произнёс ни звука.

Вскоре Юань Цзыжу почувствовал, как Ху Тянь приподнял край одеяла и лег рядом. Больше всего на свете Юань Цзыжу поразило то, что этот человек так и не сомкнул глаз до самого утра. Сохраняя окаменевшую позу и продолжая пялиться на его спину, он пролежал с открытыми глазами до рассвета. Остаётся лишь гадать, о чём он думал всю эту ночь. Ранним утром раздалось звонкое щебетание птиц. Правая рука Юань Цзыжу, спрятанная под одеялом, чуть шевельнулась — и он сразу почувствовал, что взгляд, устремленный на него со спины, исчез.

Притворившись, будто только что проснулся, он сонно и лениво издал тихое мычание, а затем перевернулся на спину и приподнялся на кровати.

Словно с большим удивлением заметив, что Ху Тянь давно уже вернулся, он протянул руку и слегка провел пальцем по его лицу, погладил его, а затем с явным нежеланием отнял руку, перебрался через него и слез с кровати.

В последние два дня Юань Цзыжу вел себя довольно послушно: больше не уходил развлекаться и, последовав совету Ху Тяня, больше не встречался с теми людьми.

Вообще-то, по его характеру, ему хотелось навестить тех, кого Ху Тянь ранил, но стоило ему только завести об этом речь, как лицо Ху Тяня мгновенно чернело. После нескольких таких попыток Юань Цзыжу перестал об этом упоминать.

Правда, временами он всё же тихо дулся. Впрочем, после той ночи за последние несколько дней напряжение между ними немного спало, и атмосфера уже не казалась столь двусмысленной и опасной, как раньше.

Но на сей раз по вине самого Юань Цзыжу они снова погрузились в холодную войну. Ни одна из сторон не желала первой заговорить с другой.

Все эти дни Ху Тянь практически не спускал с него глаз, выбрав тактику жесткого контроля: он не хотел, чтобы из-за какой-нибудь его оплошности возлюбленного снова совратили всякие подозрительные типы.

Хотя он и чувствовал странность атмосферы между ними, но полагал, что на этот раз был прав, ведь ошибся именно его партнер, а потому ни за что не собирался первым идти на уступки. Про себя он твердо решил добиться того, чтобы тот полностью осознал свою неправоту.

Если подумать, с момента их помолвки прошло уже несколько десятков лет, и он был глубоко убежден, что этот человек в глубине души абсолютно не может жить без него, чем немало гордился.

Сегодня Ху Тянь отправился наловить для любимого несколько его любимых жирных рыб из Залива Циншуй. Раньше подобными делами всегда занимался Шань Жун, а сам он лишь изредка помогал по указанию партнера пару раз за всё время.

Вернувшись вскоре домой, Ху Тянь обнаружил, что калитка во двор закрыта. Он отлично помнил, что из-за хорошей погоды, уходя, оставил ее распахнутой настежь.

Встревоженный Ху Тянь толкнул дверь и вошел в дом, даже бросив наотмашь только что пойманную рыбу, но, увидев обстановку в комнате, понял, что всё же опоздал — Шань Жун снова куда-то убежал. Больше всего его поражало то, что он уже столько раз твердил ему не шататься где попало, а тот снова проигнорировал все предупреждения и вот так просто ушел.

В гневе несколько раз яростно стукнув кулаком по двери, Ху Тянь, не имея другого выхода, все же решил лично отправиться на его поиски. Он был уверен, что Шань Жун наверняка снова увязался в тот самый городок.

Из-за того, что во время прошлой пропажи Шань Жуна стремительные речные воды унесли талисман связи, который они использовали для общения, как только Ху Тянь нашел его в тот раз, он тут же смастерил новый талисман и велел носить его при себе. Разумеется, с помощью этой вещицы Ху Тянь мог с легкостью отыскать Шань Жуна в любой момент.

Вот только когда спустя совсем немного времени Ху Тянь отыскал своего Шань Жуна, его ждал неожиданный сюрприз: тот, как оказалось, находился в каком-то весьма роскошном и величественном поместье.

Ху Тянь никак не мог взять в толк, зачем Шань Жуну понадобилось тащиться в подобное место. Оглядевшись вокруг, он понял, что это вовсе не тот близлежащий городок, к которому они привыкли, а столичный район, расположенный на изрядном расстоянии от их прежнего пристанища.

Судя по всему, это была резиденция кого-то из высшей знати или императорских родственников. И хотя стражники толпами дежурили и внутри, и снаружи, для Ху Тяня они представляли собой не более чем пустую формальность — есть они или нет, разницы никакой.

Сложив пальцы в заклинание невидимости, Ху Тянь шагнул за ворота, словно в пустой дом.

Добравшись до внутреннего двора, он услышал доносящиеся оттуда расслабляющие звуки музыки и песен, а указывавший направление талисман сигнализировал, что Юань Цзыжу находится как раз там. Ху Тянь взмахнул рукой, пряча талисман в рукав, и зашагал на звук.

От подобных особ императорской крови всегда исходил слабый отблеск человеческой Драконьей ауры. И хотя им, представителям Расы демонов, при любой глубине культивации эта капля Драконьей ауры не могла причинить ни малейшего вреда, сама природа заставляла демонов испытывать к подобной ауре инстинктивную неприязнь.

Это заставило Ху Тяня вновь заподозрить, не схватил ли этого малого демона Шань Жуна кто-нибудь чужой? Ведь даже при всей своей глупости тот должен был понимать, что знатные обитатели подобных мест — совсем не те люди, с которыми им стоит водиться.

Ху Тянь неспешно дошел до задних покоев. Его привычное уверенное выражение лица мгновенно испарилось — увидев картину, представшую перед глазами в главном зале, он едва не ослеп от гнева, а в глазах застыла кровь.

Он совершенно не понимал, что происходит между ними, почему поступки Шань Жуна с каждым разом становятся всё более и более возпитительными? В прошлый раз еще куда ни шло: хоть он и заявился в бордель, но вел себя предельно прилично, ни к кому не приставая и ничего не лапая.

Но взгляните на то, что творится сейчас! Не прошло и нескольких дней, как этот наглец полураздетым прильнул к груди какого-то мужчины в синих одеждах и страстно целуется с ним врасплох. Ху Тянь почувствовал, как у него перед глазами закружился мир. Опоздай он хоть немного, неужели Шань Жун и этот человек прямо в постели бы оказались?

Ху Тянь не понимал: неужели это всё тот же Шань Жун, которого он знал? Тот самый наивный лисенок, которого он носил на руках и лелеял?

Если да, то почему послушный мальчик, который раньше беспрекословно следовал каждому его слову, после этого возвращения уже столько раз проигнорировал его строгие запреты и раз за разом заставлял наблюдать столь постыдные картины?

А если нет? Но как такое могло быть? Ведь перед ним стоял тот же самый человек, чьи черты лица, глаза и тело ни капли не изменились с прежних времен. Да и аура от него исходила до боли знакомая!

Но как тогда объяснить то, что происходило прямо у него на глазах? Если это действительно тот же самый человек, что же могло вызвать столь кардинальные перемены в его поведении?

В душе Ху Тяня роилось множество вопросов, требующих немедленных ответов, но как он ни ломал голову, разобраться в происходящем не получалось.

Он решил, что на этот раз, забрав Шань Жун обратно, он уже не сможет замять всё, как в прошлый прошлый раз — им обоим действительно стоило сесть и откровенно поговорить по душам.

В мгновение ока Ху Тянь ворвался в главный зал и предстал прямо перед Шань Жун и тем человеком, что держал его в объятиях. В этот момент Шань Жун уже затуманенным от алкоголя взором смотрел по сторонам — оставалось только гадать, сколько же выпивки он успел одолеть.

Его подернутые влажной дымкой глаза отчетливо видели стоявшего перед ним Ху Тяня, но он словно не понимал, что происходит вокруг, и, хихикая, протянул к нему руки, прося обнять.

Ху Тянь изо всех сил сдерживал ярость, отложив разбирательства на потом. Стоило взглянуть на нынешнего Шань Жун, как стало ясно: даже если он сейчас сорвется на крик илим попытается его отчитать, тот вряд ли что-либо сообразит.

К тому же, нахмурившись, он посмотрел на мужчину в одеждах цвета цин, державшего Шань Жун в объятиях, и никак не ожидал, что этим человеком окажется его давний и крайне необычный знакомый.

Из-за внезапного вторжения Ху Тяня в главном зале воцарилась мертвая тишина. Лишь спустя мгновение первыми опомнились хозяева пира: телохранитель князя Минь мгновенно выхватил клинок, заслоняя своего господина, и зычно завопил: — Ворвались убийцы, защитите князя!

Многие другие гости, казалось, тоже только сейчас пришли в себя: кто-то опрокидывал столики с изысканными яствами и в панике бросался бежать, а кто-то, оцепенев от страха, сидел на месте с дрожащими коленями. Некоторые из тех, кто сообразительнее, давным-давно без лишнего шума укрылись на стороне князя Минь. Поскольку высокое место, занимаемое сейчас князем, было накрепко окружено плотным кольцом стражников, словно неприступная крепость, здесь было поистине в высшей степени безопасно.

Ху Тянь вовсе не обращал внимания на хаос, который сам же и учинил; его целью с самого начала было лишь вернуть Шань Жун.

— Ваша Светлость, не извольте тревожиться, здесь, боюсь, кроется какое-то недоразумение.

Мужчина в синих одеждах сидел на почетном месте по правую руку от князя Минь, что ясно показывало, сколь высоко тот ценился в глазах правителя.

Князь Минь был довольно зрелым и утонченным мужчиной средних лет с красивой бородой. Даже перед лицом всеобщей паники он сохранял неизменное спокойствие, а на его лице по-прежнему играла мягкая улыбка.

— О? И как же Дэси это объяснит?

Дэси — таково было второе имя Юху Цинчжоу.

Юху Цинчжоу поднялся, слегка поклонился и, сложив руки перед грудью, произнес:

— Этот человек — мой давний знакомый. Если он сегодня и явился сюда столь дерзко, то, судя по всему, разыскивает меня. Прошу Вашу Светлость простить его за неучтивость.

Хотя Юху Цинчжоу не слишком-то верил, что Ху Тянь действительно пришел ради него, заметив взгляд, брошенный собеседником в его сторону, Юху Цинчжоу снова опустил голову, понимая, что дело, скорее всего, связано с человеком, которого он прижимал к груди.

Князь Минь с велидушием громко рассмеялся:

— Не зря он друг Дэси, все вы — люди выдающиеся!

Он с легким ударом опустил руку на стоявший перед ним низкий столик:

— Раз так, ступай с ним. В другой раз у меня непременно выдастся возможность снова как следует пообщаться с Дэси. Ха-ха-ха...

Князь Минь проявлял к Юху Цинчжоу столь учтивое обхождение, несмотря на его нежелание становиться гостем при его дворе, исключительно потому, что успел воочию убедиться в выдающихся способностях этого человека. И хотя внезапное появление еще одного незнакомца в главном зале поначалу удивило его, вспомнив недавние чудеса, продемонстрированные первым гостем, князь больше ни капли не пугался.

Лишь поигрывая в пальцах с гладким теплым нефритовым амулетом и заметив, что в едва наметившемся противостоянии между теми двумя в самом центре зала все внимание явно сфокусировано на юном красавце в объятиях Юху Цинчжоу, князь Минь улыбнулся, находя это весьма забавным.

Похоже, его гость угодил в любовную переделку!

Как только Юху Цинчжоу испросил позволения удалиться и отступил, Ху Тянь неотступно последовал за ним.

Они вышли из резиденции князя Минь и, едва свернув в безлюдный переулок вдали от тех мест, мгновенно мелькнули — и их след тут же простыл.

В то же самое время Юху Цинчжоу, уже стоявший среди зеленых гор, спросил:

— Какими судьбами ты здесь? Ху Тянь по своей природе был необузданным и свободным, больше всего на свете терпеть не в силах таких вот занудных и лицемерных книжечеев, как Юань Цзыжу. По его мнению, вместо того чтобы быть нормальной лисицей-демоном, тот

удумал перенимать всю эту людскую чепуху с её надоедливymi правилами и даже выдумал себе какое-то там вздорное второе имя!

Ху Тянь презрительно скривил губы:

— Это я должен у тебя спросить!

Ху Тянь весь путь пытался вырвать Шань Жун из его рук, но Юху Цинчжоу прикрывал её слишком надёжно. К тому же Ху Тянь боялся проявить излишнюю грубость и случайно ранить Шань Жун, поэтому до сих пор ему приходилось терпеть, что она всё ещё прижималась к груди Юху Цинчжоу.

— А ты вообще знаешь, кто она такая? — гневно потребовал ответа Ху Тянь, указывая на человека в чужих объятиях.

Юху Цинчжоу нахмурился. Хотя с самого начала он подозревал, что Ху Тянь явился именно из-за этой особы, теперь, когда подозрения подтвердились, на душе у него сделалось крайне неприятно.

Эту маленькую лисичку по имени Шань Жун он случайно повстречал некоторое время назад. Сперва его привлекла её прелестная внешность, но по мере того, как они сближались, он с радостью обнаружил, что та не только хорошабой собой и полностью отвечает его вкусам, но и обладает невероятно очаровательным характером.

Поэтому в дальнейшем общении он начал волей-неволей проявлять инициативу, и лишь в последние несколько дней она стала понемногу сближаться с ним, явно намекая на желание завязать более близкие отношения.

Вспомнив об этом, Юху Цинчжоу со скрытым подтекстом произнес:

— Ну и что с того, кто она? Подумать только, сколько у тебя, Ху Тянь, на стороне всяких любовников и любовниц — и хороших, и дурных, — которых ты затащил в свою постель! К чему тебе убиваться из-за какой-то жалкой маленькой лисички?

Он наивно полагал, что Шань Жун — всего лишь очередная мимолетная интрижка Ху Тяня.

Услышав это, Ху Тянь чуть не взбесился. Поддавшись чувству вины, он первым делом украдкой глянул на Шань Жун и, заметив, что та всё ещё выглядит не вполне в себе, тайком выдохнул с облегчением.

Он яростно ткнул пальцем в сторону Юху Цинчжоу:

— Она — моя жена Шань Жун! Какую чушь ты, вонючая занудная лиса, снова несешь?

Услышав это, Юху Цинчжоу оцепенел. Его рука, обнимавшая Шань Жун, задеревенела. В растерянности он посмотрел на Ху Тяня, заметив на его лице абсолютную, неподдельную серьезность.

Затем он снова опустил взгляд на маленькую лисичку у себя на груди и увидел, что та с наивным недоумением смотрит на него в ответ, цепляясь за воротник его одежды и тихонько хихикая.

Юху Цинчжоу приоткрыл рот, не зная, что и сказать.

Он всегда отличался благовоспитанностью и умел вовремя отступить. Если бы Шань Жун была лишь очередной игрушкой Ху Тяня на стороне, то он спокойно присвоил бы её себе — и никто бы слова не сказал, ведь на такое никто и внимания бы не обратил. Однако нынешняя ситуация складывалась крайне непросто. Хотя он действительно испытывал симпатию к Шань Жуну, он никак не ожидал, что тот уже состоит в браке с другим, да еще и с этим ублюдком Ху Тянем.

Правда, он понятия не имел, кто именно является мужем Ху Тяня. Верно, они с Ху Тянем взаимно терпеть друг друга не могли — до такой уж степени.

Но ему доводилось то тут, то там слышать от чужих людей о том, как сильно Ху Тянь балует и лелеет своего супруга. Разумеется, он прекрасно понимал, насколько дорог Ху Тяню этот человек.

Если припереть Ху Тяня к стенке и довести до белого каления, то в случае вспышки его ярости не то что он сам, но даже вся его семья вряд ли сможет выжить под ударом этого грозного демона.

Юху Цинчжоу в нерешительности нахмурил брови. Честно говоря, когда-то он всерьез подумывал о том, чтобы построить с Шань Жуном долгосрочные отношения. Помимо главной жены, которую ему непременно придется взять в будущем, Шань Жун стал бы тем единственным человеком, к которому он относился бы со всей искренностью.

Но судя по текущему положению дел, Юху Цинчжоу мысленно вздохнул: очевидно, этому не суждено сбыться.

Юху Цинчжоу медленно разжал руки, обнимавшие Шань Жуна, в нерешительности еще немного посмотрел на него и в конце концов отступил на несколько шагов назад, увеличивая расстояние между ними.

Ху Тянь, разумеется, воспользовался моментом и тут же притянул Шань Жуна к себе. Хотя между ним и Шань Жуном оставалось еще немало нерешенных проблем, он прекрасно понимал: это всего лишь их личные, семейные дела.

А на людях, какими бы сильными ни были их ссоры и разногласия, он непременно во всей красе продемонстрирует свою непреклонную собственническую хватку по отношению к Шань Жуну, не позволяя никому даже надеяться на какую-либо лазейку в их отношениях.

Изначально в глубине души Юху Цинчжоу все еще теплилась крошечная искра надежды: он ждал, что дальнейшая реакция Шань Жуна сможет что-то доказать.

Однако, увидев, как тот оказался в объятиях Ху Тяня и, словно по привычке, не только не выказал ни малейшего отторжения, но даже покорно шмыгнул носом, приняв себя в чужих объятиях, а затем прижался щекой к удобному местечку на его груди и, прищурив глаза, лениво задремал, Юху Цинчжоу окончательно всё понял.

А Ху Тянь с привычной легкостью протянул руку и легко похлопал его по спине, успокаивая. Увидев эту картину, Юху Цинчжоу и впрямь оставил все надежды.

Напоследок он тяжелым взглядом окинул закрытые глаза Шань Жуна в профиль. На его обычно безупречном лице не дрогнул ни один мускул, но в душе все еще жило неотступное, горькое чувство утраты.

Налетел порыв ветра, и в тот момент, когда он стих, Юху Цинчжоу, только что неподвижно стоявший на вершине холма, бесшумно исчез.

Рациональность Юху Цинчжоу всегда брала верх над эмоциями. Он знал, что при любых обстоятельствах, по крайней мере в данный момент, ему еще рано вступать в открытое противостояние с Ху Тянем.

Плывя на попутном ветру, Юху Цинчжоу парил высоко в облаках, и лицо его казалось особенно смутным и нечетким. Сложив руки за спиной, он горделиво возвышался среди бесчисленных звезд, но взгляд его был необычайно мрачным.

Он думал о том, что однажды, непременно настанет такой день...

Тем временем, после ухода Юху Цинчжоу, Ху Тянь уже растерял всю свою прежнюю уверенность и дерзость, с которыми держался перед ним — на смену им пришли печать уныния и глубокой растерянности.

Ярость, вспыхнувшая было в самый первый момент их встречи, теперь, при виде безмятежного лица заснувшего Шань Жуна, бесследно испарилась. Вместо этого пришло переосмысление их отношений и глубокая тревога перед будущим.

Ему казалось, что сейчас у него накопилось множество слов, которые нужно высказать Шань Жуну по душам, но стоило задуматься получше, как мысли путались: с чего вообще начать и как правильно выразить всё это?

Сказать ему, чтобы впредь он не вел себя подобным образом? Но ведь он уже тысячу раз предупреждал его обо всем, а судя по нынешнему дню, Шань Жун явно не собирался его слушать.

Или, может быть, предложить им прямо сейчас разойтись? Ху Тянь нахмурился — от одной этой мысли в груди становилось невыносимо тяжело, не говоря уже о том, чтобы воплотить подобное в жизнь.

Ху Тянь подхватил на руки уже крепко спящего Шань Жуна и шаг за шагом медленно направился в сторону дома: ему требовалось, чтобы ночной ветер остудил и прояснил его затуманенную голову.

На самом деле за те несколько месяцев, пока Шань Жун считался пропавшим без вести, Ху Тянь уже осознал одну вещь: не только Шань Жун не мог жить без него, но и он сам уже не представлял своего существования без Шань Жуна.

Когда-то он искренне верил, что в их с Шань Жуном союзе именно Шань Жун увяз по самые уши.

Ради того, чтобы остаться с ним — или, если выражаться точнее, чтобы открыто и с гордостью находиться рядом с ним, — Шань Жун перенес столько испытаний и невзгод среди представителей Клана Лисиц, что это несомненно доказало каждому его преданность до гроба.

Почему же, несмотря на то, было ли это кому-то по душе или нет, окружающие были вынуждены называть Шань Жун его законной женой? Причина крылась именно в этом.

Шань Жун отдал борьбе абсолютно всё, рискнув даже собственной жизнью, чтобы заслужить этот единственный законный и оправданный статус.

<http://bllate.org/book/22153/2307660>